

СССР ОЛИЯ ТА'ЛИМ МИНИСТРЛИГИ
ЎРТА ОСИЕ ДАВЛАТ УНИВЕРСИТЕТИ
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Новая серия, выпуск XXIII
Гуманитарные науки, книга 4

Т Р У Д Ы
СРЕДНЕАЗИАТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
(ИСТОРИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО САГУ,
ТАШКЕНТ — 1951

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

САДОВО-ПАРКОВОЕ ИСКУССТВО СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ ТИМУРА И ТИМУРИДОВ

Расплывчатость представлений о садах средневекового Востока, очень туманно отложившихся в воображении европейцев из сказок Шехерезады и образов восточной поэзии, характерна для зарубежной науки по истории садово-паркового искусства. Отчасти это связано с незначительным числом сохранившихся памятников. Сад при Альхамбре-Дженр-эль-ариф («Генералиф») так искажен, начиная с поздне-ренессансной эпохи, что от бывшего мавританского парка дошла лишь единственная аллея стройных кипарисов с узким зеркалом воды, в котором отражён замыкающий её портик дворца. Парки при некоторых мавзолеях или дворцовых постройках Великих Моголов в Индии представляют лишь незначительные фрагменты огромного числа некогда созданных ими садов. Описанию Чар-бага в Исфахане посвящены яркие страницы у Шардена, Пьетро-делла-Велле, Олеария и прочих путешественников, но уже в середине XIX в. Фланден и Кост застают его в полном забросе, а в настоящее время на его месте пролегает торговая магистраль. Главная причина лежит не в этом, а в характерном для буржуазной науки высокомерно-пренебрежительном отношении к историко-культурному наследию народов Востока. В частности, квинтэссенцию такого рода суждений о былом среднеазиатском садово-парковом искусстве заключает высказывание А. Регеля: «Татары во всё время векового ига оставались спесивыми, тщеславными, деспотическими, грубыми, циничными сластолюбивыми варварами. Это, конечно, отозвалось на ханских садах — в Бахчисарае, Крыму, Астрахани, Казани. Тут было много мрамора и золота, но вкуса было мало. Тип был тот же, который встречался в Бухаре, Самарканде и т. д.»¹. Чрезвычайно характерно, что в специальной главе о садах, изданного в Америке в 1936—1939 гг. сводного труда «A Survey of Persian Art», в котором искусство Средней Азии рассматривается лишь как провинциальная ветвь искусства Ирана, наличествует огромный разрыв в изложении материала между парками-парадизами сасанидских шахиншахов (III—VII вв. н. э.) и садами Шах-Аббаса

¹ А. Регель. Изящное садоводство и художественные сады. СПб, 1896, стр. 47.

(конец XVI—начало XVII в.)¹. Весь огромный опыт зелёного строительства Средней Азии, засвидетельствованный для прошлых эпох письменными источниками, выпал из поля зрения издателей (или преднамеренно был ими опущен).

Между тем, тремя поколениями русских и советских востоковедов и археологов (имена В. В. Бартольда, В. Л. Вяткина, М. Е. Массона, И. А. Сухарева, А. Ю. Якубовского должны быть названы прежде всего) собран значительный материал о самаркандских садах эпохи Тимура и тимуридов, который может служить отправным при постановке в историко-архитектурном аспекте темы о среднеазиатском садово-парковом искусстве XIV—XV вв. Подбор отдельных фактов, рассеянных в дневнике Клавихо и трудах восточных авторов — Шерефеддина Али-Иезди, Ибн-Арабшаха, Хафизии-Абура, Бабура; данных, заключенных в материалах изобразительного искусства, главным образом миниатюры, где при всей условности в изображении перспективных планов и непропорциональности масштабных соотношений архитектуры, пейзажа, людей, даже в самых сказочных сюжетах содержатся элементы реального отображения действительности; наконец, сведения этнографического порядка (ибо народное искусство нередко пронесит через столетия крупными стародавних художественных приёмов, сохраняя их не только в памяти, но и в живом творчестве)— всё это, в проекции на данные археологических изысканий, позволяет составить некоторую сумму конкретных представлений для суждения об основных принципах, определивших стиль садово-паркового искусства исследуемой эпохи.

Задача эта представляет значительный интерес. Былое население территории Мавераннахра, к которому восходит этногенез узбекского народа, обладало очень древней, засвидетельствованной ещё античными писателями и старо-китайскими хрониками, а особенно — археологическими данными, высокой культурой земледелия. Сады и парки, как часть архитектурного искусства, имели здесь очень древние, глубокие корни местной традиции. Через смену династий и крушение царств, через жестокие годы разорительных нашествий и социальных кризисов народ пронёс эту традицию, бережно сохраняя её в своём быту. Пригородные хаули Самарканда, Ташкента, Ходженда и многих других городов отличается та продуманность планировки и рациональность размещения древесных посадок, воды, построек, которая свидетельствует о выношенном столетиями опыте культуры садоводства.

При изучении памятников садово-паркового строительства былых эпох исследователь в значительной мере ограничен тем, что сведения письменных источников по данному вопросу имеют отношение, главным образом, к садам имущих классов. При всём том остаётся несомненным, что так как создателями их были те безыменные мастера-садоводы, которые по происхождению и по социальному положению своему были тесно связаны с толщей трудового люда, они, эти мастера, в условиях феодальной эксплуатации сохранили воспитанные сотнями по-

¹ A. U. Pope, Ph. Ackerman Gardens. A Survey of Persian Art (SPA) vol. III. London—New-York, 1931, pp. 1427-1445.

колений местные народные вкусы и синтезировали их в монументальных масштабах при выполнении заказов светских или духовных феодалов. С этой точки зрения сады и парки, некогда предназначенные для услаждения придворных бездельников, составляют частицу художественного наследия народа, так как в них сконцентрированы были огромный земледельческий опыт и эстетические замыслы безвестных народных мастеров.

Роль зелени весьма значительна в общепланировочном пятне исторически сложившихся городов Средней Азии. Для нее не оставалось места ни на главных магистралях, тянувшихся от одних ворот к другим, накрест или лучами рассекая город, представлявших в XV столетии род длинных торговых пассажей, перекрытых то сводами, то натянутым тентом, ни на больших площадях, пространственный отсек которых ограничивали монументальные фасады мечетей, медресе, ханака. Но даже в пределах обведенного стеной хисара,¹ в нешироких изломанных улочках жилых кварталов, игравших роль узкого русла движения, из-за глинобитных дувалов выбивалась зелень садов; и время от времени их монотонность нарушал легкий павильон чайханы, обязательно у воды, с карагачем или чинаром, или небольшая гузарная (квартальная) мечеть с обязательным обсаженным деревьями хаузом. Скудность застройки в границах городской черты была одной из причин выезда горожан с весны на дачи, лежавшие в обширном районе пригорода, где проводилась большая часть года — обычай, существующий поныне в городах Средней Азии — Самарканде, Ташкенте, Шахрисабзе и других. Эти предместья, утопающие в зелени садов, обычно простирались на большой территории, значительно превосходя по площади охваченный крепостной стеной полигон хисара.

Картина пригорода разнообразилась тем, что здесь пролегалла обширная аллея, так называемый хиабан, с четкой системой осевого построения. Таков был упоминаемый в «Бабур-Наме» Куча-и Хиабан в Самарканде, проспект, обсаженный тополями, тянувшийся на несколько километров от сада Тимура Баги-Бульды до ворот Фируза.² Подобная же широкая дорога, обсаженная высокими деревьями, шла от ворот Кязригох, впоследствии известных под наименованием Ходжа-Ахрарских (в южной части Самарканда), в пригороде Ходжа-Кафшир. Бабур отмечает мимоходом хиабан в г. Хисаре. Во второй половине XVI в., когда для известного духовного магната Ходжа Исмаила Джуйбари в местечке Сумитан близ Бухары был создан комплекс монументальных зданий при мазаре Абу-Бакр-Саада (ныне известен под названием Чар-Бакр), вокруг них был разбит также большой сад, дорога к которому, начиная от городских ворот Бухары протяжением в один фарсах (6 км), была обсажена вдоль проведенных для того арыков деревьями и представляла сплошную тенистую аллею.³ Хиабан обычно обсаживали в

¹ Термином «хисар» в XV в. определялось крупное поселение, обведенное крепостной стеной; он лишь приблизительно, по значению, соответствует средневековому «шахристану».

² Вяткин, В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справочная книжка Самаркандской области, VII, Самарканд, 1902, стр. 33. Якубовский А. Ю. Образы старого Самарканда. «Восток», V, 1925, стр. 157.

³ Вяткин, В. Л. Шейхи Джуйбари. Сборник в честь В. В. Бартольда. Ташкент, 1927, стр. 15.

один и в два ряда деревьями, среди которых располагались различные архитектурные сооружения—киоски, чайханы и др. Он играл роль большого общественного бульвара, куда приходили в праздники или по вечерам. Таков был очень парадный хиабан, тянувшийся на несколько километров от городских стен Герата по направлению к местечку Газаргох у подножья Парапамизских гор, где помещалась местная святыня—мавзолей Абдаллаха Ансари. На хиабане этом среди деревьев выселись различные частные и общественные сооружения; эта огромная аллея в течение многих столетий служила местом празднеств—светских и религиозных, сборов и церемоний, похорон и развлечений. В некоторых случаях хиабан вступал в черту города, как например Куча-и-хиабан XV—XVI вв. Бухары. Несомненно именно хиабан представлял собою исфаханский Чар-Баг, на который последнее название, очевидно, перешло с двух смежных чар-багов (об этом термине см. дальше), составляющих общий комплекс с аллеей¹. Отстроенный Шах-Аббасом в начале XVII в., он по плану восходит к среднеазиатской традиции XIV—XV вв. По «Алам-ара-и-Аббаси» и по описаниям европейских путешественников Чарбаг тянулся на один фарсах (6 км) от тимуридского сада с дворцом Накши-Джехан до сада Аббас-Абад. По обеим сторонам и посередине протекали арыки. Средний местами ниспадал небольшими каскадами и прерывался бассейнами самых разнообразных форм; по обочинам его оставались дорожки, достаточно обширные для всадников и пешеходов: Аллея эта, обсаженная параллельными рядами подстриженных под одну высоту деревьев, между которыми были разбросаны цветники и выселись различные киоски, служила местом собрания и прогулок для исфаханцев, причем некоторые дни предназначались специально для женщин.²

В пригородах чаще всего располагалась намазгох или мусалля; мечеть для празднований двух больших годовых празднеств Курбан и Фитр. Гератский хиабан замыкал замечательный комплекс Мусалля—мечети и медресе с мавзолеем, отстроенный между 1417—1437 гг. матерью Улугбека, Гаухар-Шад. В Самарканде в XV в. намазгох располагался к западу от хисара, а не к югу, как доньше сохранившийся намазгох XVII в.. Бухарский намазгох, существующий поныне, был возведен в XII в. к югу от города Арслан-ханом в очень обширном саду незадолго до того созданной Шемс-аль-Мульком резиденции Шемс-Абад³. Саму мечеть обычно окружали посадки деревьев подстриженных снизу так, чтобы во время богослужения не закрывать ее молитвенной ниши. В дни молений сюда стекалось почти все мужское население города, которое после отправления дневного намаза тут же весь день и всю ночь предавалось пиршеству.

Достопримечательность Самарканда составлял Кани-гиль, род большого пустыря у СВВ склона Афросиба, вдоль арыка Оби-Рахмат. Здесь у воды стояло множество чайхан, кухмистерских, палаток, и в пятничные дни, когда стекался народ, выступали на потеху публики фокусники и акробаты. Со времени Тимура, культивировавшего монгольские нравы, здесь разбивался пышный стан, род эфемерно воз-

¹ Minorsky, W. Geographical Factors in Persian Art. Bulletin of the School of Oriental Studies, vol. IX, 1938, Pt. 2, p. 639.

² Описания исфаханского Чарбага очень многочисленны. Сводные сведения и подробную библиографию приводит Godard, A. Athar-e Iran. Annales du Service Archéologique de l'Iran. T. II, fasc. I. Paris, 1937, pp. 88—92.

³ Наршахи. История Бухары. Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 89.

никавшего и также быстро исчезавшего города шатров, и здесь же спрāj-
лялись грандиозные городские торжества с участием всех слоев насе-
ления — придворного круга, гвардии, купцов и ремесленников. На послед-
них налагалась обязанность по устройству легких, разнообразных,
фантастических сооружений и различных забав. Что касается зелени,
то неизвестно — подвергалась ли существенным изменениям и специаль-
ным планировочным переделкам естественность природных посадок
Кани-гиля.

Славу средневекового Самарканда составляли его «баги» — сады,
большая часть которых была заложена при Тимуре. В самой цитадели
Самарканда, кроме сурового, строго-официального дворца Кук-Сарай,
упоминается Бустан-Сарай («Дворец Плодового Сада»). Но главная
масса садов располагалась вне городской черты хисара. Ниже приво-
дится перечень 14 садов Тимура и Улугбека,¹ основные данные
местоположения которых определены историко-топографическими изы-
сканиями М. Е. Массона.

1) Баги-Накши-Джехан («Сад Узор Мира»), возведенный, видимо,
в начале царствования Тимура, в 70-х годах XIV в., у подножья горы
Чупан-Ата, может быть напротив холма Ша-Мурад-бия, где найдено
множество тимуридского кирпича, изразцов, майолики и мраморных
плит панелей.

2) Баги-Бехишт («Райский Сад»), возведенный Тимуром в 1378 г.
для его 12-летней жены Туман-Аки к западу от города.

3) Баги-Амирзаде-Шахрух («Сад Царевича Шахруха»), отстроенный,
вероятно, в 1394 г., в год возвращения из похода в Закавказье этого
принца.

4) Баги-Бульды («Сад Довольства») к востоку от Самарканда на
упомянутой Куча-и-Хиабан, именовавшийся также «Дальним» в отли-
чие от

5) Баги-Дилькуша («Сад Пленяющий Сердце»), который называл-
ся «Ближним». Это был один из самых роскошных садов Тимура, ле-
жавший в 6 км к востоку от города в местности Хан-Чарбаг близ
с. Урта-Пулатчи. Начат был разбивкой осенью 1396 г., окончен, по
Шерефеддину, в два года; однако отделочные работы продолжались
еще и в 1399 г., поскольку во дворце были картины с изображениями
походов Тимура на Индию.

6) Баги-Шамаль («Северный Сад» или, может быть, «Сад Прохла-
ды», «Сад Северного Ветерка», или «Шамаль» означает также легкий
северный зефир), воздвигнутый в 1397 г. для дочери Мираншаха.

7) Баги-Заган («Сад Воронов»), расположенный в Шавдарском
тумане на Куча-и хиабан, за Баги-Бульды.

8) Баги-Балаянд («Высокий Сад»), считавшийся одним из лучших
садов Тимура, лежавший к северу от Самарканда.

9) Давлет-Абад («Местопребывание Счастья, или Власти») к югу
от Самарканда в Даргомской степи, разбитый для Тимура ко дню воз-
вращения его из индийского похода (1399 г.).

10) Баги-Чинар («Чинаровый Сад») к югу от города.

¹ Шерефеддин называет 9 садов Тимура (Sherefeddin Ali natif d' lezd. Nisoiré de Temur—Bég. Trad. par Petis de la Groix, Adelet, 1723. Данные о самаркандских садах — в томах II, III, IV. Цифру эту увеличивает Хафиз-и-Абру, да-
ющий в своем перечне (неполном) 10 садов, половина которых не упоминается пер-
вым автором (Бартольд, В. В. Хафиз-и-Абру и его сочинения «Ал-Музаффарий». Сборник статей учеников бар. В. Р. Розена, СПб., 1897, стр. 14—персидский
текст, 16—перевод). Некоторые из этих садов фигурируют у Клавихо Ибн-Араб-
шаха, Забура и др.

11) Баги-Нау («Новый Сад») один из последних садов «Великого эмира», отстроенный в 1404 г., примыкавший к западной стене хисара, но отделенный от нее рвом и дорогой.

12) Баги-Джехан-Нумо («Сад, показывающий мир»), по Клавихо — «Неизвестный сад» на пути к Шахрисябзу.

13) Баги-Майдан («Сад Площади», может быть, «открытой площадки»), лежавший к северу от Афроснаба. По Хафизу-Абру, возведен Тимуром, по Бабуру — уже Улугбеком.

14) Багча («Садик») Улугбека с Чини-ханой (последняя вероятно, конца 20-х годов XV в.) близ Баги-Майдана у подножья Чупан-Аты.

В конце XV в., когда многие беки и эмиры разбили в окрестностях Самарканда для себя сады и дачи, особенной красотой отличался террасообразный Чар-баг Дервиш Мухаммад Тархана.¹ По мнению М. Е. Массона, он, может быть, основан был на месте Баги-Балаянд. К этому времени многие из тимуридских садов пришли в упадок и при шейбанидах (XVI в.) некоторые из них были отданы частным лицам. Однако создавались и новые. В источниках XVI в. упоминается сад Хиды близ Мазара Ходжа Абди Даруна, Дили-Афруз на восток от города, возможно у впадения Оби-Машад в Снаб. По В. Л. Вяткину, здесь, в упоминаемом при шейбанидах квартале Нау («Новый»), находилось множество дач самаркандской аристократии.² Им же, на основании вакуфного документа, упоминается Баги-Широн — «Сад тигров», близ мазара и ханаки Ходжа-Абди-Даруна, составлявший вакуфное имущество этих построек.³

Великолепные сады Герата, ко второй половине XV в. были столь же многочисленны. Характерно при этом, что наиболее выдающиеся из них принадлежали как членам царствующего дома, так и видным вельможам Султан-Хусейна. Располагались они в массе своей, кроме Баги-Шахр («Городской Сад»), в пригородных районах Герата — «булюках», из которых самым аристократическим был булюк Инджиль, где сосредоточена была большая часть богатых villas и дворцов. Из дотимуровских садов известны: Баги-Балаянд (Высокий Сад) и Баги-Заган (Сад Воронов) оба в северных предместьях города; Баги-Сафид (Белый сад), значительно расширенный при Шахрухе. При Абу-Сайде возникает сад Баги-Зубейде. Баги-Джехан-Ара (Сад — Украшение Мира), был лучшим из садов Султана Хусейна, отстроенным им на месте прежнего небольшого сада Баги-Мурад. Царевичу Бади-Аззаману принадлежал Баги-Нау (Новый Сад); среди царских садов Хондемир называет также Баги-Чаман-Ара (Сад — Украшение Луга), Бейт-уль-Омом (Сад Дома Безопасности), Тахт-и Остома и Тахт-и Сафар. Он сообщает также о многочисленных садах Алишера Навои и среди них — Баги-Маргани, Баги-Пули-Сангкашон (Сад у Моста Носильщиков Камней), Багча-и Шаукя (Привлекательный Садик), Багча (Садик) в пригороде Гузаргох, к северу от которого располагались парки — Баба-Сухте и Азизон. Соперником Навои, Маджеддином, были отстроены сады: Баги-Назаргох (Сад-Миловида), Баги-Мухтар (Избранный Сад), Баги-Хиабан (Сад Хиабана) и четвертый сад, название которого не уточнено.⁴ Бабуру упоминает, кроме

¹ Memoirs of Zehir-ed-din Babur Transl. by J. Leiden and W. Erscine Annotated and revised by L. King. Oxford, 1921, t. I, p. 82-83.

² Вяткин. Цит., соч., стр. 23.

³ Вяткин. Цит. соч., стр. 23.

⁴ Беленицкий, А. А. Историческая топография Герата XV в. Сб. «Алишер Навои». М.—Л., 1946, стр. 182, 188—189, 193; Массон, М. Е. К исторической топографии Герата XV века. Сборник «Великий узбекский поэт». Ташкент, 1948, стр. 129, 134—135.

того, ряд дворцов, снабженных, вероятно, садами: Тахт-и Беркер, Тахт-и Наджибек, Тахт-и Бехауддин, Беллури («Хрустальный»), Ак-Сарай Абу-Саида, стоявшую посреди сада Тарабхану («Павильон Радости») царевича Музаффар-Мирзы и Сусани-Хану (Павильон Ирисов).¹

Остается еще отметить группу садов при мавзолеях. Таков был сад при семейной усыпальнице Тимура в Шахрисябзе Дар ус-Сиадат, вакуфный садик при мавзолее Ходжа-Ахмада Ясеви в Туркестане, сад при мавзолее Гури-Мир и Ишрат-Хана в Самарканде и некоторые другие.

* * *

Известен ли был в Средней Азии в XIV—XV вв. архитектурный сад; и каковы были типы его; и каковы ведущие принципы планировки; и в каком взаимоотношении в этих садах были зелень, архитектура, вода?

Изучение материала решительно указывает на преобладание архитектурного сада с правильной организацией плана². Бабур, воспитанный на среднеазиатских вкусах, в своей несколько высокомерной характеристике жителей Индии неоднократно подчеркивает, что они не имеют никакого представления о правильной расстановке садов и регулярном размещении водных устройств и киосков, считая верхом безвкусицы характерную для индийских парков живописность, отсутствие симметрии и четкости плана.³ Он вводит в Индии сады, организованные по образцам восточно-тимуридского строительства (в первую очередь Самарканда и Герата) и отмечает, что обстроенной регулярными садами и дворцами его и вельмож части Агры индусы дали имя «Кабули», подчеркивая чужеземный, завозной характер ее оформления.⁴

Сады не возникали стихийно; им предшествовало составление и тщательное обсуждение плана. «Я приказал»,—говорится в «Мальфузат-и Тимури» от имени Тимура о саде Дилькуша — «привести придворных архитекторов и строителей, которые собрались из благословенного царства (моего)... Сообща они выработали план лужаек и аллей и занялись устройством сада, стен и того очень высокого дворца, который я приказал возвести в середине сада».⁵ К составлению проекта Баги-Нау им были специально привлечены мастера Дамаска, известные искусством сооружения различных водных устройств — фонтанов, каскадов и пр.⁶ Описание подготовительных работ к строительству садов Фархада в поэме Навои почти протокольно точно рисует картину того, как выбирались места для них.

Когда подсчёты кончил Мульк-Ара,
Сказал он: «К делу приступить пора!»
Он выехал, и ехал без помех,
Ему во всём предшествовал успех.
С ним в свите много мудрых зодчих шло,
Немало и учёных прочих шло.
Так ездили они из края в край,
Объездили едва-ль не весь Китай.
Четыре места для дворцов избрав,
Четыре скажешь рай — будешь прав⁷.

¹ Бабур, П, pp. 14—16.

² Исключение составляют располагавшиеся в удаленных местах природные охотничьи заповедники.

³ Бабур, П, р 207, 224.

⁴ Бабур, П. 257.

⁵ Якубовский А. Ю. Мастера Ирана в Средней Азии при Тимуре. Иранское искусство и археология III международного конгресса. Доклады. М.—Л., 1939, стр. 279.

⁶ Charefeddin, IV, pp. 179—180.

⁷ Алишер Навои «Фархад и Ширин», пер., Л. Пеньковского. Ташкент, 1948, стр. 65.

Участки чаще, повидимому, выбирались с уже существующими посадками, с учетом возможности использования нужного количества воды. М. Е. Массоном установлено, что среди садов Тимура Баги-Джехан-Нумо — единственно известный как наново посаженный сад; для остальных использовались уже культивированные под сад участки. Так, для Баги-Дилькуша было объединено двенадцать уже существовавших садов, у которых, видимо, просто разнесли дувалы и посадки которых по возможности соподчинили плану, вырубив ненужные и дополнив новыми там, где это следовало. Алишер Навои упоминает, что при создании им в Герате, на полученном в дар от Султан-Хусейна крупном земельном участке комплекса Ихласийэ, он как бы продолжил делавшиеся здесь и ранее попытки разбивки садов, окружив при этом площадь в 30 джерибов стеною и возведя во вновь распланированном и насажденном парке, на месте старых построек, новые прекрасные здания и павильоны.¹ Несомненно, что в таких садах насаждались не двух-трехлетние саженцы, но большие многолетние деревья (искусством таких пересадок поныне владеют узбекские и таджикские садоводы).

Форме участка сада обычно стремились придать прямоугольный или квадратный контур. Некоторые из таких архитектурно-оформленных садов, особенно у Тимура, отличались огромными размерами. Ибн-Арабшах, говоря о саде Баги-Джехан-Нумо, приводит анекдот о заблудившейся в нем лошади архитектора, отыскать которую удалось лишь месяц спустя.² Размеры Баги-Дилькуша и Баги-Нау по наружному периметру составляли 1500×1500 гязов³. Если учесть, что в конце XIV—XV вв. размер гяз'а колебался примерно в пределах 65—75 см., то площадь эта будет соответствовать приблизительно 1000×1000 м. Промер остатков вала, окружавшего трапезиевидный полигон сада Давлет-Абад, дал размер сторон: 750—800 м на 1450—1475 м.⁴ Один из самых парадных садов Султан-Хусейна Байкары в Герате, Баги-Джехан-Ара, заключал площадь в 53 га. Сады других государей и аристократов, видимо, были более скромны по размерам. Так, очевидно, небольшой площади обязан своим уменьшительным наименованием сад Улугбека в Самарканде — «Багча» («Садик») или Багча Шаукая («Привлекательный садик») Алишера Навои в Герате.

Для тимуридской эпохи обязательным фактором является обнесение сада невысокой стеной, нередко обведенной рвом. Отсутствие этих стен в Индии поразило Бабура. Вероятно, в ряде случаев возведение стен предшествовало созданию сада и его построек, как это имело место, например, в XIX в. при создании Хорезм-бага в Хиве,⁵ или по крайней мере велось параллельно. Стена иногда представляла просто глинобитный вал, но нередко она архитектурно оформлялась и богато декорировалась изразцами. Вход выделялся пештаком.⁶ В Баги-Дилькуша все четыре стены центрировались порталами. Углы фланкировались башнями-голубятнями, откуда открывалась прекрасная воздушная перспектива: эти башни в Баги-Дилькуша и Баги-Нау Тимура были богато украшены изразцами.

¹ Беленицкий, цит. соч. стр. 195.

² Ibn Arabshah, Achmed. Tamerlane or Timur the Great Amir. Transl. by J. H. Sanders. London, 1936, p. 310.

³ Cherefaddin, II, p. 223; IV p. 179.

⁴ Сухарев, И. А. Дворец-сад Тимура Давлет-Абад. Отд. оттиск из Трудов УЗГУ, Новая серия, 11, вып. 2. Самарканд, 1940, стр. 2.

⁵ Кун, А. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, СПб.; 1876: стр. 214—215.

⁶ Пештак — монументальный арочный портал.

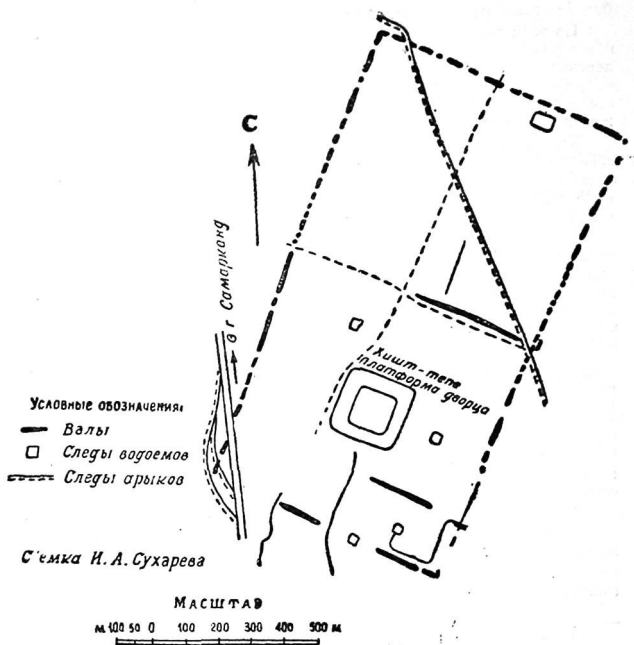

Рис. 1. План развалин загородного дворца-сада Тимура, Давлет-Абад.

Специфику внутренней распланировки подобных садов составляет четкость осевого построения. В детальном описании Шерефеддином Баги-Дилькуша указывается: «Площади сада приказано было распланировать на геометрические фигуры — квадратные, с аллеями, шестиугольные цветники; засадить обочины аллей тополями, а шестиугольники и треугольники по краям украсить фруктовыми деревьями, различных сортов цветущими и плодовыми деревьями»¹. Здесь, таким образом, тип архитектурного сада в виде квадрата, с выделением основных осей четкими вертикалями тополей, с геометрической упорядоченностью отдельных участков, в пределах которых допускалось живописно-свободное размещение зелени; это — некий идеальный чар-баг.

На этом термине следует остановиться специально. Слово «баг» — сад в исторических сочинениях связывается с представлением о плодовых деревьях и обычно упоминается как принадлежность дворца — «сарая». «Чар-баг» — буквально «четыре сада», правильное «четырёхчленный сад» — по объяснению В. В. Бартольда, означал сад, со всех сторон окружающий дворец.²

Характерное представление о типовом тимуридском «чар-баге», в основе которого лежит подразделение на четыре сектора, даёт «Глава о посадке саженцев, цветов, деревьев, душистых трав, об устройстве чарбага и последовательности его возведения» из земледельческого трактата «Иршад-аз-Зир'а», написанного в Герате в начале XVI в.³

Рекомендуемый здесь тип чар-бага представляет прямоугольный, окружённый стеной, архитектурно-организованный сад с правильной ориентацией его по сторонам света, с выделением главной оси широким проходом и протоком, и постановкой на ней здания (иморат), с разбивкой основных участков на «чор-чаманы» (т. е. на четыре прямоугольных лужайки), с обведением дувала правильными рядами тополей, с тщательным регулированием посадок различных декоративных и плодовых деревьев и цветов. На основании описания нами составлен чертёж реставрации плана чар-бага по «Иршад-аз-Зир'а» (рис. 2). Это, так сказать, стандарт рядовой пригородной усадьбы зажиточного горожанина конца XV — начала XVI в., квинтэссенция планировочного опыта самаркандских и гератских народных специалистов той эпохи по разбивке садов и парков. Именно такова сохранившаяся еще и поныне в основных чертах распланировка Чар-бага Бабура в Кабуле, обнесенного архитектурно оформленной аркадой стеной с четким выявлением центральной аллеи и 16-ю квадратными чар-чаманами.⁴

По принципу чар-бага был распланирован самаркандский сад Тимура «Давлет-Абад», разбитый на несколько возвышенном рельефе. Подробное описание его содержится у Клавиho: «Он был окружён глиняным валом и окрестность его была вокруг вала в добрую лигу

¹ Cherefeddin, П, 424—425. Здесь цитируется уточнённый М. Е. Массоном перевод с персидского текста «Зафар-Наме».

² Бартольд, В. В. История культуры жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 36. По мнению А. Пооп'а в основе темы «чар-баг» лежит, якобы, не рациональная планировочная мысль, но символ, идея зороастрийской космогонии о расчленении мира на четыре секции, соответствующие четырём мировым стихиям. (SPA II, p. 1429).

³ Привношу глубокую благодарность Е. М. Пещеревой, подготавливающей к печати критическое исследование «Иршад-аз-Зир'а», любезности которой я обязан знакомством с главой о чар-баге из этого сочинения.

⁴ Diez, E. Niedermeier, O. Afganistan. Berlin. 1924. Abb. 4.

(до 4-м клим)... было в нём шесть водоёмов, от одного к другому шли точно дороги из больших и тенистых деревьев; посреди этих дорог поднимались точно ходы на возвышение, которые проходили по всему саду;

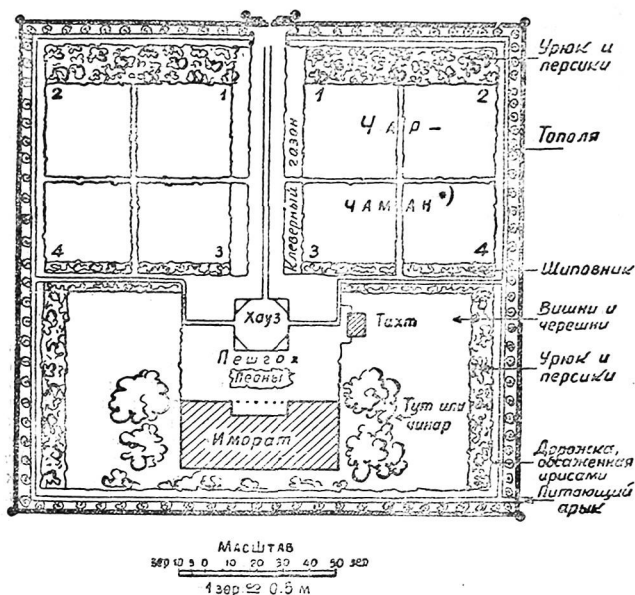

Рис. 2. Примерная реконструкция плана типового чар бага Тимуридской эпохи (по «Иршад-аз-Зир'а» и отчасти по данным миниатюр).

Посадки чар-чаманов:

1. Виноград. Цветы: синие фиалки, ирисы, роза, крокусы, нарциссы, розы декоративные и простые.
2. Айва. Цветы: тюльпаны садовые и горные, «дурдар-гуш», «кокули», ирисы обычные и белые степные, анемоны, «голубой» жасмин, желтые пионы, желтые фиалки, махровые тюльпаны, «шад-буй».
3. Персик-никторин. Розарий с восемью сортами роз на клеверном газоне и мак.
4. Груша. Цветы: желтый жасмин, «гули-шаш-мохи», «зенбук», лилия, цветущий перец, лимонный ирис, «хатми-хитон», белый жасмин, «джаман-афруз», китайские тюльпаны, бархатцы.

от этих дорог шли другие вкось, так что по ним можно было ходить и осматривать весь сад, а от этих дорог шли ещё другие. Был высокий земляной холм, насыпанный руками, ровный по верху, окружённый дере-

вянными кольями. Посреди него стоял прекрасный дворец... Из сада был вход в большой виноградник, тоже окружённый глиняным валом, такой же большой, как и сад; около вала вокруг виноградника шёл ряд высоких деревьев, которые казались очень красивы».¹

С этим текстом вполне совпадают археолого-топографические наблюдения И. А. Сухарева. Сохранился контур оплывшего глинобитного вала, окружающего прямоугольную площадь, разбитую стеной на два квадрата, из которых первый (чар-баг) содержит в центре высокий (до 14 м) холм-платформу дворца размером 65×65 м в основании, с плоской верхней горизонтальной площадкой; следы протоков, из которых один идет почти по главной оси; четыре квадратных бассейна. Второй, смежный чар-багу, квадрат несомненно заключал упоминаемый Клавихо виноградник.²

Существовал и иной вид сада с возвышенным рельефом, отличающийся террасообразным построением площадок, но с сохранением той же главной оси, завершаемой дворцом. Таков был, например, Чар-баг Дервиш-Мухаммад Тархана в Самарканде, разбитый, с соблюдением симметрии, на несколько уступов, засаженных деревьями определённых пород, который Бабур рекомендует как один из лучших в Самарканде по чистоте воздуха, красоте местоположения и внутреннему благоустройству.³

Уступчатое построение было отмечено при раскопках Багча Улугбека одним из отрядов Самаркандской Археологической Экспедиции 1941 г., возглавляемой М. Е. Массоном. Этот небольшой интимный парк был разбит Улугбеком при крупном саде Баги-Майдан, лежавшем на склоне горы Чупан-Ата, начатом ещё при Тимуре, но законченным уже его внуком. Раскопки (отряд археолога В. Д. Жукова) проводились на свободном от частновладельческих усадеб шлейфе склона Чупан-Ата площадью около 800 кв. м. и, видимо, захватили один из окраинных пунктов бывшего сада, где чётко выделялось два архитектурно-организованных участка (рис. 3). В первом оказалась выравненная терраса склона, выложенная вверх квадратным кирпичём, под которым были проложены гончарные трубы, подводившие воду в открытый арык, проходивший через 12-гранную площадку с круглым бассейном (или фонтаном) в центре; рядом располагалась инкрустированная разноцветными сортами мраморовидного оникса площадка, за которой кончалась подсыпка грунта. Крутой скат террасы укрепляла кирпичная подпорная стенка высотой свыше 1,5 м, у подошвы которой располагалось какое-то парковое сооружение.

Хотя прямая связь восточного участка с описанным пока не установлена (возможно, она осуществлялась за счет древесных насаждений, партеров и цветников), едва ли случайна взаимная перпендикулярность их осей. Здесь обложенный кирпичём арык подводил воду к огибающему бассейну, над которым располагалась приподнятая, выложенная шестигранными плитками суфа возвышение)⁴, а дальше остатки древних строений, контуры которых уходят в пласты не вскрытой ещё

¹ Клавихо, Рюи-Гонзалес де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. Пер. Срезневского И. И. Сборник отд. русского языка и словесности АН, т. XXVIII, СПб., 1881, стр. 244—245.

² Сухарев, Цит. соч., стр. 1—6.

³ Бабур, р., 83.

⁴ Подобного типа суфа в саду над бассейном представлена, например, на миниатюре начала XVI в. (Самарканд или Герат). Опубликовано в книге A. Sakisian. La miniature persane du XII au XVIII - e siècle. Paris et Bruxelles, 1929, fig. 100.

вая в перечне выдающихся людей, собранных при дворе Тимура, ни одного из тех архитекторов, гению которых Самарканд был обязан созданием его великолепных дворцов, мечети, мавзолеев, упоминает, однако, высоко ценившегося специалиста по древесным посадкам — Шихабуддина Ахмада Зардакаши¹. Хотя, как указывалось выше, часть садов разбивалась с использованием уже существующих посадок, в создании их огромную роль играл тщательный подбор и сочетание древесных пород. Столетние тенистые чинары дали название садам Баги-Чинар в Самарканде и в Герате. Вдоль главных аллей и дувалов проходили шпалеры пирамидальных тополей, возможно с постепенным к ним переходом от зелени партеров к кустарниковым посадкам, как это было позднее осуществлено при постройке Тадж-Махала в Агре. В «Иршад-аз-Зира'а» рекомендуется обвести дувал усадьбы по внутреннему периметру тополями «сафидор-и самарканди», которые считались более красивыми, чем гератские и обладали лучшими строительными качествами². Тополями был обсажен дувал, окружавший виноградник в Давлет-Абаде.³

Из тенистых деревьев, которые рекомендуется насаждать близ дома, в упомянутом сельскохозяйственном трактате, названы чинар и тут-и-бидани, один из видов шелковицы, с красивой листвой и сладкими ягодами. Террасы сада Дервиш-Мухаммада Тархана в Самарканде были засажены прекрасными карагачами, туйей и серебристым тополем. В Баги-Джехан-Ара в Герате росли сауры, пихты, ивы, чинары, а также виноград и различные фруктовые деревья.⁴

Специфичным для садов Средней Азии (как будто и вообще средневекового Востока) является именно сочетание декоративных и плодовых деревьев, в отличие от Европы с её ограниченностью первыми. Не только утилитарная функция, но и любовь южан к цветам и ярким краскам побудила здесь к введению фруктовых деревьев со снежно-белыми, лиловыми, розовыми цветами весной и розово-оранжевыми плодами в зелёной листве летом и осенью. Здесь проводили время, не менее охотно, чем под кроной чинаров, или карагачей. Тема пикника на садовой лужайке, обсаженной плодовыми деревьями, обычна для миниатюр XV—XVI вв. Клавихо характеризует сад при Ак-Сарае шахрисябзском, как заполненный различными фруктовыми деревьями и снабжённый множеством водоёмов и искусственно расположенных лугов, причём «...при входе в этот сад было такое обширное пространство, что много народа могло бы с наслаждением сидеть тут в летнее время у воды и под тенью деревьев».⁵ Обилие разнообразнейших плодовых деревьев он отмечает и в саду Давлет-Абад.⁶ Тимур, по словам Ибн-Арабшаха, был очень заинтересован, чтобы на фруктовых деревьях его садов были бы сделаны прививки прекрасных фруктов.⁷ Из плодовых деревьев в «Иршад-аз-Зира'а» названы: урюк, два сорта персиков, груша, гранат, айва, вишня, черешня. Едва ли самаркандский ассортимент чем-либо отличался. Ве-

¹ Ibn Arabshah, цит. соч., pp. 374.

² Судя по тому, что сафидор-и самарканди предлагается сажать между дувалом и арыком в промежутке равно три зер'а (около 1,5 м.), это, видимо, тип высокого пирамидального тополя с голым в нижней части стволом и неширокой кроной — они, таким образом, не лишали смежные участки, засаженные плодовыми деревьями, солнечного света.

³ Клавихо, цит. соч., стр. 245.

⁴ Беленицкий, А. М. Историч. топогр. Герата... Цит. соч., стр. 194.

⁵ Клавихо, цит. соч., стр. 237.

⁶ Там же, стр. 244.

⁷ Ibn Arabshah, цит. соч., pp. 304.

реально, к нему следует добавить яблоки и миндаль. Большая часть этих пород, которыми славится донныне Средняя Азия, не менее обычна на миниатюрах XV в., чем в образах среднеазиатской поэзии.

С точки зрения планировочной характерно, что в пределах правильных фигур разбивки сада, ограниченных регулярными посадками декоративных пород, отмечается более живописное, но тщательно продуманное размещение цветущих и плодовых деревьев различных сортов (см. приведённое выше описание сада Баги-Дилькуша). Бабур направляет своим эмирам в Кабул подробную инструкцию об улучшении садов. «Я приказываю,— пишет он,— выстроить водоёмы, в который воду провели бы из Тути-Дара и вокруг которого повелеваю посадить деревья, а так как оттуда открывается прекрасный проспект, назвать его Назаргох («Милости»). Вы должны здесь посадить также различные прекрасные деревья, ограничивающие правильные плодовые сады, и засадить травянистыми симметричными площадками, окаймлёнными прекрасными благоухающими цветами»¹.

На глубоко-поэтической миниатюре 1436 г. «Встреча Хуман и Хумайюн», или диптихе Бехзада с изображением Султан-Хусейна, пирующего с жёнами в саду², и ряде других изображений тимуридской эпохи в прямоугольном участке сада, обведенном изысканной оградой, вдоль извивающегося арычка, свободно растут плодовые деревья и цветы.

Бабур, который очень увлекался селекционными экспериментами, охотно ввозил в более северные районы всяческие экзоты. Так, в разбитый им в Адинапуре сад Баги-Вефа он привёз банановые пальмы и сахарный тростник, которые здесь великолепно прижились. В Баги-Вефа на ярко-зелёных клеверных газонах были посажены гранатовые и апельсиновые деревья. Среди среднеазиатских садоводов до последнего времени считается хорошим тоном привоз издалека различных редкостных растений, а также черенков разнообразных прививок неместного происхождения.

Опыты завоза экзотической растительности в среднеазиатские сады имели место и в XV столетии. Так, например, Бабур отмечает, что, кроме Адинапура, он выслал сахарный тростник в Бадахшан и в Бухару, не оговаривая, однако, как они здесь прижились. Косвенные данные содержатся в памятниках изобразительного искусства. В настенной живописи ряда мавзолеев начала XV в. — Туманак, Биби-Ханым (оба 1405 г.), Казы-Заде-Руми (30-е годы XV века) в Самарканде, усыпальнице родственников Улугбека в Шахрисябзе — так наз. Гумбези-Сейидан (1437 г.), наряду с обычными деревьями изображены какие-то пальмовидные экзоты. Характерно, что кусты или ветви перистой пальмы широко входят в роспись самаркандских чаш и блюв XV века.

Что касается цветов, то любовь к ним на Востоке давно стала нарицательной. Перечень последних, приведённый в одном только «Иршад-из-Зир'а, крайне обширен (см. экспликацию к чертежу). Чрезвычайно интересно наблюдение Е. М. Пешеревой, что предлагаемая в этом трактате рассадка цветов основана на подборе сортов по принципу непрерывности цветения: отходят одни, но распускаются другие.³ На неко-

¹ Babur, II, стр. 274.

² An Illustrated Souvenir of the Exhibition of Persian Art. London, 1931, ill 471, 483.

³ Это — прямой контраст европейскому методу подбора древесных пород по принципу увядания, с учетом того, что осенью, краснея и желтея, они образуют прекрасные букеты умирающей листвы (например, Версальский парк).

торых цветах хочется остановиться специально. Так, вдоль арыков рекомендуется рассаживать иммортели и особенно ирисы (различных сортов), а на газонах засеивать клевер. Об этом читаем и у Бабур. По обочинам дорожек предлагается рассаживать шиповник; на клумбе перед айваном дома — красные пионы. Розы восьми различных пород выделяются в особый розарий, сочетаясь с посадками никотиновых (гладкий персик, покрытый ранней весной лилово-розовой пеной цветов) и с посевом мака. Все это можно встретить до последнего дня в узбекских и таджикских садах. Бабур распланировал в садах Агры правильные партеры и цветники с розами и нарциссами¹. Именно это же сочетание было в сказочном Саду Весны Фархада².

Красочность этих садов дополняли птицы с ярким оперением. Излюбленными были павлины, птица специально созданная для украшения садов, по словам Навои³, в саду которого был прекрасный подбор их⁴. Клавихо отмечает, что в Давлет-Абаде было множество фазанов⁵. Из Индии привозился попугай — птица излюбленная на Востоке не только за яркость оперения, но и за своё умение говорить, которое рассматривалось здесь как признак особенного ума; мы видим их в руках гаремных красавиц, в упомянутой сцене Султан-Хусейна среди жён. В бассейнах плескались утки, что также подтверждается миниатюрами. Нередко в них напускались рыбы, о чём свидетельствуют самые наименования, например Хауд-и Махийон («Бассейн Рыб») в Герате и др. По мнению М. Е. Массона, в Средней Азии это могла быть маринка — местная серебрястая рыбка, живущая в проточной воде, в некоторых районах почитавшаяся священной. В садах нередко содержались красивые животные — отнюдь не для целей охоты, но для украшения, как, например, олени в Давлет-Абаде. «Баги-Широн» — «Сад Тигров» близ ханаки и мазара Абди-Дарун в Самарканде будто бы обязан своим наименованием, содержавшимся в нём приручённым тиграм.

Зелень — основное слагаемое сада; другим, не менее важным, является вода.

Отсутствие проточной воды являлось крупным недостатком сада Дервиш-Мухаммад Тархана. При возведении садов снабжение их водой было первоочередной задачей. Бабур постоянно упоминает о проведении им каналов, устройстве бассейнов, водоёмов, фонтанов, подчинённых строго регулярному плану. В саду — система четко упорядоченных основных арыков, то ниспадающих каскадами, то прерываемых бассейнами. Так, сад Давлет-Абад пересекал широкий проток с шестью водоёмами (местоположение четырёх из них определено И. А. Сухаревым). Форма бассейнов, как правило, строго геометрична. В описаниях упоминаются многоугольные (восьми- и десятигранные) и прямоугольные бассейны. Археологическими изысканиями установлены бассейны квадратной (Давлет-Абад), круглой, октогональной формы («Багча» Улугбека). На миниатюрах, кроме этих форм, встречаются бассейны, оформленные как бы фестонами (рис. 4). Проточная вода подводится и отводится арычками обложенными камнем, чаще кирпичём («Багча» Улугбека; то же на ряде миниатюр). Иногда, как например, в Багча, вода

¹ Babur II, 256—257.

² Фархад и Ширин. Цит. соч., стр. 77—78.

³ Бертельс, Е. Э. Навои и Аттар. Мир-Али-Шер. Л., 1928, стр. 74.

⁴ Клавихо, 245.

⁵ Так, чрезвычайно разнообразие форм бассейнов представлено в цикле миниатюр «Хамса» Низами 1494 г. Музея восточных культур в Москве, — л. л. 2, 44, 52, 57, 61, 71, 87, 167.

проходила под вымосткой площадки в гончарных трубах, затем переходя в открытый арык.

В тех случаях, когда позволял рельеф местности, вода ниспадала каскадами. Шереффедин сообщает о большом числе и необычайном разнообразии водных устройств в Баги-Нау, изобиловавшем водой. Здесь было множество каскадов, бассейнов, фонтанов различных форм, с нисходящей, а также с бьющей струей¹. Когда испанские послы пришли к

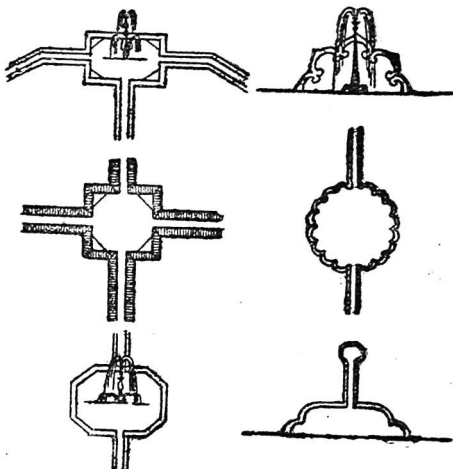

Рис. 4. Некоторые типы бассейнов (по миниатюрам XV—XVI вв.).

Тимуру в Баги-Дилькуш, они застали его сидящим на тахте перед айваном дворца и перед ним «... был фонтан, который бил вверх, а в фонтане были красные яблоки».² Фонтаны с бьющей струей представлены на ряде миниатюр XV—XVI в. Чаще всего они невысоки (едва ли выше 1,00—1,50 м)³, расположены посреди бассейна и имеют два или три яруса невысоких струй.⁴

Симметрия и строгая упорядоченность отличают все эти устройства и лишь в пределах цветников и лужаек допускались свободно извивающиеся, обросшие травой и ирисами арычки.

Третье слагаемое сада — его архитектура, которая расчленяется

¹ Cherefeddin, IV, pp.179—180.

² Клавихо, 249.

³ На миниатюре начала XVI в. «Двор Бабура» изображён фонтан с высоко бьющей струей (Burlington Magazine, Jan., 1945. N 502, p. VI).

⁴ Sakisian, op. cit., fig. 142. Blochet, E. *Musulman Painting XII—XVII century*. Transl. by S. M. Binion. London, 1929, pl. CXXIII. Kuhnle, E. *Miniaturmalerei im Islamischen Orient*. Berlin, 1923, s. 102.

на два основных типа: легко-ажурного павильонного сооружения и монументального здания.

Видимо, к старой полукочевой традиции разбивки военного стана восходил обычай свободной постановки в саду нарядных шатров и палаток. Но в саду эти шатры приобретают декоративный характер; их яркая расцветка, сочетание ковров, шелков, золотистых тканей, колеблемых ветром золотых и серебряных кистей, оживляют зелень лужаек и деревьев. В садах Тимура Дилькуша, Давлет-Абад и других Клавихо то и дело отмечает различные палатки, покрытые коврами и шелками. К той же категории относятся «муляхи», род лёгких переносных недолговечных хижин-шатров, сплетённых из свежих ветвей.

Наряду с этим широкое распространение получает строительство павильонов. В их отделе народные мастера проявляют много изобретательности и вкуса. Так, Бабур упоминает свою Сурат-Хану (род картинной галлерей) в Кабуле, выстроенную у ворот Чар-бага и окружённую палатками, подчёркивая, что она невелика, хотя во время меджлисов вмещает до 16-ти человек.¹ Небольшими размерами отличалась Чини-хана — «Фарфоровый павильон» Улугбека в Самарканде, облицованная, как показали раскопки 1941 г., частично плитками подлинно-китайского фарфора типа кобальт, ценившегося в XV веке буквально на вес золота, частично местными имитациями его на кашине (особая силикатная масса). Другой какой-то павильон из комплекса в Багча имел чудную панель резной терракоты с прожилками синей глазури.² Обширный павильон высился посреди сада Султан Махмуда в Шахрухнии, где он совершал приёмы. Широко распространен был тип талара — род открытого колонного айвана, приподнятого на платформе. Нередко возвышения — суфы воздвигались прямо под сенью деревьев, на них расстилались ковры и иногда ставились палатки.

Почти обязательным атрибутом садовой обстановки служил тахт — легкое переносное сиденье владельца сада, иногда с матерчатым шатром и шелковыми занавесками. Как показывают миниатюры, он нередко ставился прямо под цветущими деревьями в саду.³ Однако чаще местоположение его точно фиксировалось. При этом он либо обращен был фасадом прямо на «пешгох» (площадку перед домом), либо ему предшествовала особая, вымощенная плитами фигурная площадка, часто с бассейном или фонтаном (рис. 5).⁴ Видимо, такого рода специальной площадкой перед тахтом служил упомянутый выше при описании Багча пол размером 2,5×2,5 м., искусно выложенный из темных и светлых пород мраморовидного оникса. Поблизости пролегалала аллея и был бассейн, что так же, как и остаток окружавшей этот пол невысокой резной решетки, совпадает с данными миниатюр, где площадку тахта обычно отделяет от сада сквозная решетка. В садах Тимура и Улугбека, в частности при раскопках Багча, было подобрано немало прорезных мраморных решеток, близких по типу к той, что окружает тимуридские надгробия в Гури-мире. Решетки иногда сменяются оградами.

¹ Babur, II, 114, 137.

² Фрагменты названных фарфоровых, «фарфорообразных», терракотовых, а также мозаичных и майоликовых облицовок от разрушенных павильонов «Багча» были найдены в раскопках 1941 г.

³ Ср. «Двор Хозроя» 410 г. Sakisian, лит. соч. fig. 45.

⁴ На одной из индийских миниатюр XVI в. (Jahrbuch der Asiatische Kunst, Leipzig, 1928, Taf. 32, Abb. 7) тахт стоит в центре огороженной восьмиугольной площади с четырьмя входами. Но обычно он бывает сдвинут в глубину, под кроны деревьев.

Простейшие, как это видно из миниатюр, делались просто из деревянных строек с обвязкой, видимо, подобно упоминаемому Клавихо «частоколу» вокруг площадки дворца Давлет-Абад. В миниатюре «Султан-Хусейн с женами» украшенная мозаикой, увенчанная фигурными зубцами глухая ограда отделяет государя и жен от слуг и музыкантов. В сцене «Хумаи и Хумаюн» — наоборот — изящная сквозная аркада. (Рис. 6).

Подлинно-композиционным центром сада служил дворец, или «иморат», т. е. крупное жилое строение. Ориентация последнего (а следовательно, и главных осей самого сада) в «Иршад-аз-Зир'а» рекомендуется строго по направлению север—юг с обращением главного айва-

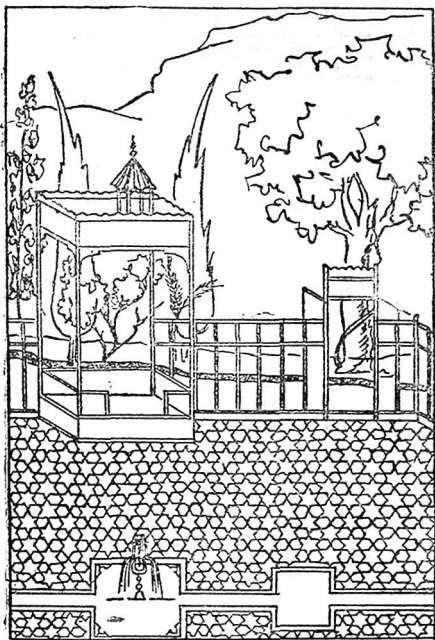

Рис. 5. Тахт, пешгох, хаузы (с миниатюры начала XVI в.)

на на северную сторону. Этот древний прием, вызванный стремлением создания оптимальных условий в жаркое время года, сохраняется в жилом строительстве городов Узбекистана — Самарканда, Бухары и др. вплоть до последних дней.

Что касается архитектуры дворцов, то здесь различается два резко противоположных типа. Один — это парадный официальный дворец, вроде Кук-Сарая в Самарканде или Ак-Сарая в Шахрисябзе, замк-

нутый, противопоставляющий привычным масштабам свои монументальные объемы и глухие плоскости роскошно отделанных стен. Другой, более интимный — дворец в саду, архитектурное решение которого предопределяет его пространственное слияние с природой¹.

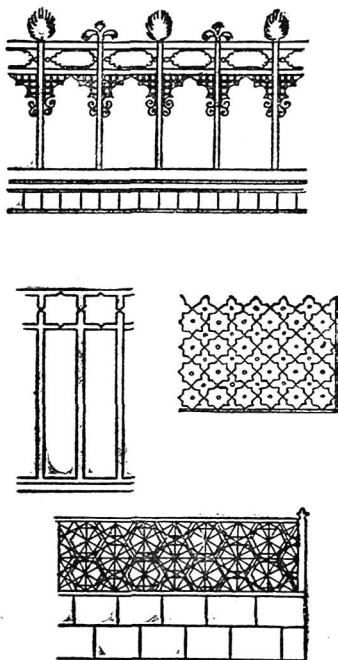

Рис. 6. Некоторые типы садовых оград и решеток, (по миниатюрам XV—XVI вв.).

Среди садовых дворцов выявляется два основных решения: с арочным и с колонным айваном. В том и другом случае глубинное построение фасада, разрешение плоскости стены определяют органическое пространственное сочетание архитектуры и сада. Дворец первого типа ставится посредине, на пересечении основных осей. Очень высокий трехэтажный дворец Дилькуша с огромным купольным крестообразным залом, открывался с трех сторон в сад парадными арочными пор-

¹ Ставя вопрос о типах тимуридских дворцов темой специального исследования, в данной работе затрагиваем его лишь в меру связи архитектуры дворца с композиционным решением сада.

талами; перед главным высился тахт Тимура и бил фонтан¹. Подобное решение представлено в миниатюре начала XVI в., «Пир в саду»², где изображен дворец с глубоким арочным айваном и боковыми двухъярусными лоджиями, с тахтом государя впереди и округлой площадкой для гостей, вымощенной плитами и обведенной каменной решеткой. Дворец с айваном стоял посреди Баги-Джеханара Султан Хусейна Байкары в Герате (вторая половина XV в.)³.

Как правило, на миниатюрах перед дворцом (или домом) небольшой, вымощенный плитками «пешгох», часто с бассейном, отделенный сквозной решеткой от сада. Он создает ту архитектурно-организованную пространственную среду, которая сочетает дворец и сад, препятствуя садовым насаждениям поглотить в себе здание. Быть может, именно такого рода пешгох отмечает Клавихо в цитированном выше описании сада при дворце Ак-Сарай в Шахрисябзе. Очень типичное решение видим в миниатюре «Встреча Гюльнар и Ардашира» из «Шах-Наме» 1429 г. (рис. 7)⁴, где перед домом сооружена октогональная площадка, открывающаяся в сад, вымощенная шестигранными плитками, с дорожкой из темного камня, обводящей ее контур, пересекаемая арыком, с водоемом в центре.

Тип небольшого дворцового павильона представляла воздвигнутая во второй половине XV в. Тараб-хана («Павильон Радости») в Герате. Это было небольшое двухэтажное здание со строго симметричным планом, четырьмя худжрами (комнатками) и центральным крестообразным залом по второму этажу, полуоткрытому со всех сторон в сад⁵. Подобного рода сооружение можно видеть в сохранившемся доньне павильоне, стоявшем в северном углу исфаханского Чар-бага, в виде почти кубообразного строения с четырьмя глубокими лоджиями по второму этажу, забранными (может быть, позднее) решетками⁶.

Другим типом паркового дворца, менее монументальным, был дворец с колонным айваном. Так, дворец Чиль-Сутун в Баги-Майдане (Самарканд, первая половина XV в.) был оформлен колоннами различных форм—круглых и жгутообразных⁷. Само название отнюдь не обозначает «40-колонный», но «многоколонный», причем, очевидно, выстроенный по плану определенного типа. Вполне вероятно, что по образцу Чиль-Сутуна самаркандского был воздвигнут в XVII в. Чиль-Сутун в Исфахане, который с трех сторон открывается в сад колонными айванами, причем по главному фасаду ему предшествует зеркало воды; сефевидские строители почти не внесли в архитектуру новых композиционных и планировочных решений, которые принципиально отличались бы от тимуридских. Отметим, что, например, в XVI в. в Ардебиле была возведена Чини-хана⁸, как бы воскрешающая этот изящный самаркандский павильон Улугбека, разрушенный в середине XV в. Быть может, к традиции самаркандского Чиль-Сутуна восходит известный Чинили-Киоск (тоже

¹ Sherefeddin, II, 423; Клавихо, стр. 248.

² Sakisian, цит. соч., стр. 145.

³ SPA, II, p. 1437, Беленицкий, цит. соч., стр. 194.

⁴ An Illustrated Souvenir... цит. соч. цветная таблица перед «Чтульным листом.

⁵ Baur, II, 6.

⁶ Sattar Kheiri. Islamische Architektur. Berlin (6. r.) fig. 22.

⁷ Baur, I, 82. Фрагменты колонн были найдены археологами во время работ 1941 г.

⁸ Sarre, Fr. Wechselbeziehungen zwieschen Ostasiatischen und Voderasiatischen Keramik, Festschrift für Fr. Hinz, Berlin, 1920, s. 340.

«фарфоровый павильон»)¹ в Стамбуле. Воздвигнутый между 1466—74 гг. при Мухаммеле, завоевателе Константинополя, архитектором Камал-ледином, мастером, видимо, среднеазиатской школы, дворец этот свои-

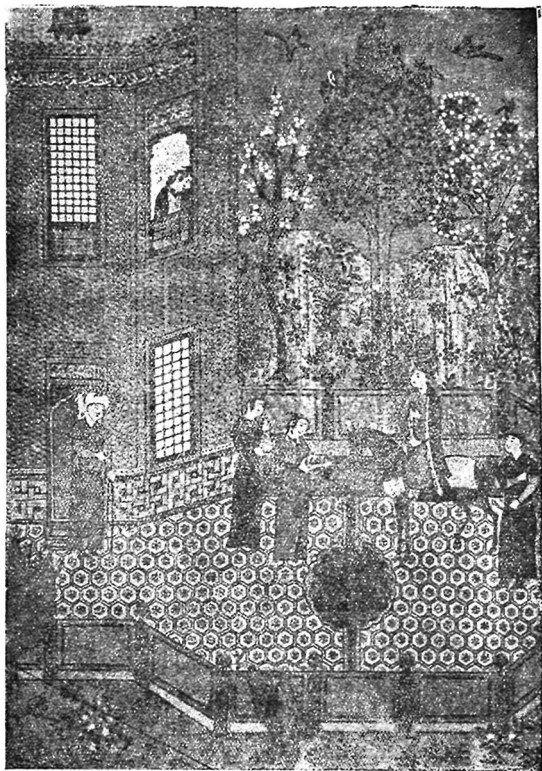

Рис. 7. Йморат и пешгох (изображение на миниатюре 1430 г.).

ми формами и облицовками очень близок к памятникам тимуридской архитектуры. Стройные колонны его айвана несут арочное перекрытие; возможно, что подобную аркаду несли и беломраморные колонны Чиль-Сутуна Улугбека, предшествовавшего Чинили-Киоску на два-три десятилетия.

¹ Glück, E. und Diez, E. Die Kunst des Islam. Berlin, 1925, s. 254, 535. Taf. IX.

Остается затронуть иной тип построек XV—XVI вв. при саде: мавзолей. Традиция постанковки надмогильного сооружения в саду прослеживается еще в средневековье: поэт Фирдоуси был похоронен в собственном саду, поэт Омар-Хайям был погребен в Нишапуре близ садовой ограды в тени фруктовых деревьев, гробница поэта Хафиза в Ширазе поныне стоит в саду¹.

Мавзолей духовных лиц нередко использовались духовенством в качестве того организующего центра, вокруг которого складывался мемориальный комплекс среди зеленых насаждений. Достаточно назвать ансамбли Шейхантаура и Зайнутдина в Ташкенте, Ходжа-Ахрара и Абди-Даруна в Самарканде, Чар-Бакр и Бехауддин в Бухаре и проч. В тимуридском строительстве значительную роль играл также светский (обычно династический) мавзолей, как, например, мавзолей Ишрат-хана, стоявший на участке сада Баги-Фируза. Недоступность для народа придворной усыпальницы подчеркивалась постановкой ее в глубине, как, на пример, мавзолея Гури-мир, перед которым в южной части разбит был садик. Примеры очень парадной планировки сада при мавзолее представляют связанные со среднеазиатской традицией памятники династии Великих Моголов, особенно знаменитый Тадж-Махал, где беломраморный массив самой постройки возникает в перспективе аллей темных кипарисов и длинном зеркале рассекающей его воды, завершая правильно разбитый на «чар-чаманы» квадратный сад.

Кульминацию среднеазиатского феодального садово-паркового искусства представлял для XV века ансамбль зданий в Герате, занимавший целый квартал на берегу оросительного канала Инджиль, воздвигнутый Мир-Алишером Навои. Современники восторженно отзывались о его разнообразных постройках: мечети Кудсия, мавзолея, медресе Ихласийа, ханаке Халасийа, бане Сафайа и больнице Шафайа, а также о прекрасных лужайках, посадках, аллеях. План был составлен самим Навои и разработан плеядой лучших архитекторов эпохи².

Следует отметить, что еще при Тимуре, который почти всю жизнь провел в походах, часть его «багов» была открыта в его отсутствие для жителей Самарканда. Если учесть, что сады эти опоясывали весь город, то временами они играли роль общественных парков, где можно было отдохнуть, погулять, отведать душистых фруктов с бесчисленных плодовых деревьев. Нет никакого сомнения, что это показное меценатство имело в основе расчет умного политика на завоевание подачками такого рода симпатий самаркандского населения. Традиция эта иногда воскрешалась и другими тимуридами. Так, например, в гератском Баги-загане, служившем постоянной резиденцией Шахруха, sprawлялись в XV веке роскошные, длительные городские празднества³. Не следует, впрочем, ни в какой мере идеализировать последние, так как все тяготы по оформлению этих торжеств — материальные расходы, сооружение всевозможных павильонов, организация увеселений и пр. ложились целиком на трудовое население города, в то время как улады праздника предназначены были в основном для государя и его окружения.

¹ SPA, II, 1428.

² Бартольд, В. В. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Сборник Мир-Али-Шир, Л., 1928, стр. 141. Семенов, А. А. Гератское искусство в эпоху Алишера Навои. Сборник «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940, стр. 145—146.

³ Беленицкий, А. М. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV вв. Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа, II, Л., 1940, стр. 198—199.

В этом отношении гератские сады Навои, которые, по словам Хондөмира, не знали себе равных для отдыха, свершения прогулок и пр.¹, составляли несколько особое явление. Ансамбля расположенных в парке зданий общественного характера, подобного Ихласийя в Герате — комплекса, «подаренного» Алишером Навои своему городу, в ту пору не создали ни Восток, ни Европа. По самому назначению он как нельзя более отражает прогрессивные устремления Навои — гуманиста, девизом которого были слова: «Если ты человек, не называй человеком того, кто не заботится о народе» («Хайратуль-Абрар»). О художественных качествах этого комплекса восторженно пишут современники: «Путники, прошедшие весь свет, не могли указать нигде таких зданий по их украшению и тщательности работы». Можно лишь горько пожалеть, что в мрачные годы политических и экономических кризисов страны бесследно исчез этот единственный в своем роде архитектурный шедевр.

Итак, устанавливается, что в XV в., когда в Средней Азии существовало высокоразвитое садово-парковое строительство, здесь определился тип архитектурно-организованного сада со строго-регулярным планом, подчиненным системе геометрического построения осей (двух и более), исходящих из единого центра, каковым служил дворец или дом владельца, и с живописной свободой интимных пейзажных участков в пределах этой четкой разбивки, подчиняющей себе древесные посадки. Архитектура, зелень, вода гармонически дополняют друг друга, сочетая сад, водоём, дворец, павильоны в единый композиционный организм.

Анализ принципов композиции такого рода сада убеждает в древности его архитектурной традиции; в нём, как и в зодчестве, синтезируются предшествующие достижения архитектурного гения народов, населявших Среднюю Азию.

Древность и устойчивость традиции прослеживается на приёме обязательного внешнего отграничения прямоугольного (часто квадратного) участка сада стеной, которая играет роль не просто ограждающего устройства, но архитектурно организованного и архитектурно оформленного элемента композиции сада. Сады Тимура и тимуридов, как правило, были обнесены высокой стеной и обведены рвом с переброшенным через него мостом к монументальному пештаку входных ворот. Эта идея в среднеазиатском строительстве очень стара, восходя к сильно-укрепленным ранне-феодалным усадьбам, стоявшим рядом с грозным кёшом сюзерена. В XV уже ушли в седую древность воспоминания об этой суровой эпохе, но архитектурный тип не исчез. Сохранившись, как это прекрасно иллюстрируют сырцовые пригородные усадьбы Хорезма ещё в X—XII вв., наличествуя в дворцовом строительстве (дворец термезских правителей XII в.), он переживает монгольское нашествие и входит в строительство эпохи тимуридов. Давно забыта фортификационная функция угловых башен, откуда вместо стрел, направленных на неприятеля, вылетают голуби; оборонный ров становится каналом, снабжающим сад водой; мощные ворота и стены облекаются в изысканный убор цветных мозаик и позолоты; мосты открыты для проходящих. Но вряд ли чем иным, как не приверженностью к местной традиции, может быть объяснён факт сохранения всех этих полукрепостных элементов в парадном строительстве тимуридских садов.

На сохранение традиций XV столетия садово-паркового искусства

¹ Белеицкий И. Историч. топогр. Герата, цит., соч., стр. 195.

в поздне-феодалном строительстве Средней Азии указывает разбитый в 1709 г. Убайдулла-ханом II в западной части Бухары, близ ворот Та-линач, чарбаг. На сооружение его, помимо местных мастеров, были привлечены специалисты из других мест, в частности из Балха. Чарбаг был основан на месте ряда других объединенных садов, квадраты в плане — до 1500 гyzов в стороне (около 1 км) с четырьмя воротами в каждой стене, которые соединялись аллеями, обсаженными тополями. В каждом из квадратов были разбиты куртины шести- и трехугольной формы, на которых были посажены цветы и плодовые деревья. Среди сада стоял «касп» (замок) и «пленительная ишрат-хана» (т. е. «дом наслаждения») — видимо, дворцовые павильоны.

Отметим, что жители Самарканда ещё в прошлом столетии свои кургоны — загородные усадьбы, куда они выезжали на жительство с весны, обносили стеной с угловыми башнями, с крепостного типа входом. Здесь, видимо, отразились воспоминания об архитектуре роскошных чар-багов, составлявших в XV веке славу их города, и традиции использования стародавнего строительного типа, который в свою очередь восходил к строительству их древних согдийских предков¹.

При оценке среднеазиатского сада XIV столетия с точки зрения стиля обнаруживается общность его эстетических принципов с иными искусствами. В сопоставлении с монументальной архитектурой отмечаются те же приёмы осевой разбивки, симметрии, геометрической простоты основных форм. Но в рамках этого чёткого членения — живописная свобода узора и красочных пятен (при тщательном подборе их). Архитектурный орнамент, который подчиняет размерам и осям геометрического узора свободное размещение стилизованных цветов, завитков, побегов, перенесённый на плоскость чертежа, мог бы в иных случаях напомнить план тимуридского сада, в котором в пределах правильных многоугольников — непринуждённость распределения цветов, деревьев, воды. Тот чрезвычайный интерес к различным ботаническим породам, который, думается, связан был не только с известным развитием в XV столетии точных и естественных наук, но также и с практическими задачами строительства садов, запечатлён в изобразительном искусстве этой эпохи. В монументальной живописи и в миниатюре огромное место занимает пейзаж, который не просто служит фоном какой-либо сюжетной сцены, но имеет самостоятельное художественное значение. Таковы пейзажи с извивающимся ручьём и различными деревьями и цветами в стенописях названных выше самаркандских мавзолеев конца XIV — начала XV вв. или в миниатюрах «Антологии» 1399 года. Тема уголка архитектурного сада — одна из самых популярных в тимуридской миниатюре. Даже в украшении бытовой керамики на смену отвлечённым орнаментальным пятнам росписей предшествующего периода приходят реалистически трактованные цветы — пионы, розы, фиалки, ромашки; плоды — гранат, урюк, персик; различные кустарниковые растения; даже экзоты, например, пальма. В XV веке архитектурный сад служил важным изобразительным сюжетом и в ткацкой промышленности (ткань, ковер), сохраняясь в традиции так

¹ Характерно, что в древнейших частях Авесты, сложившейся, как это показано советскими исследователями, на территории Средней Азии, слово сад — *pairi daeza*, а позднее трансформированное в иранское *palēz* (тоже «сад») и греческое «парадейсос» в европейский «парадиз» и арабский «фирдоус» обозначало: «то, что огорожено стеной» (см. В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана... цит. соч. стр. 36).

называемых «охотничьих ковров». Если добавить, что и в поэзии воспева-ется не столько природный пейзаж, сколько архитектурно-организо-ванный сад, как, например, в двух чудных главах «Фархада и Ширин», становится особенно наглядной стиливая связь тимуридского сада с различными иными явлениями художественной культуры этой эпохи.

Наконец, хочется поставить этот вопрос и в более широком плане. Нет ли каких-либо точек, сближающих садово-парковое искусство Сред-ней Азии с таковым же на Западе и на Востоке? Как будто и на это намечается положительный ответ. Обратимся к Китаю, культур-ные, политические и экономические связи которого со Средней Азией особенно крепнут в XV-м столетии. Китайский сад в современном пред-ставлении ассоциируется с карликовыми посадками, горбатыми мости-ками, холмами и тропинками; именно этот сад так горячо приветство-вали в XVIII веке в Европе, где складывался тип пейзажного парка. А между тем дальневосточный пейзажный сад (так же, как и на Сред-нем Востоке) скорее был связан с традицией охотничьих парков-запо-ведников, в то время как по крайней мере до XVI—XVII вв. дворцо-вые и храмовые сады Китая были архитектурными. Они сохранились ещё частично и поныне около древнейших построек императорского дворца в Пекине. Сады ранней эпохи Мин строились со строгим соблю-дением главных осей, то террасообразно, как, например, сад храма Неба (1420 г.), то на плоскости с повышением лишь здания храма или дворца, как Би-юн-Чун — «Дворец Совершенной Гармонии» (XIV—XV вв.). План последнего строго симметричен, само здание стоит на платформе посреди круглого пруда с четырьмя мостами на главных осях, при входе в сад высятся триумфальные ворота, покрытые мрамор-ом и изразцами, у главной аллеи стоят две небольших башни.

Обратимся на Запад, и перед нами предстанут сады Ренессанса с их органическим слиянием архитектуры, зелени, воды. И если ясный рационализм эпохи подсказал архитектору эпохи Возрождения упоря-доченную планировку партеров и аллей, с регулярным распределением водных зеркал, каскадов и фантанов, с подстрижкой зелени (которая, разросшись за многие столетия, ныне превратила итальянский парк в пейзажный), то всё это, несомненно, сближает идею итальянского и самаркандского сада (вне какой-либо роли заимствований или влияний). Больше того: итальянский сад был доступен для узко-аристократиче-ского круга посетителей; сады Средней Азии бывали иногда доступ-ны и для широких слоёв городского населения, характерным примером чего является не только сад при дворце, но и открытый комплекс стоя-вших посреди сада общественных зданий, каков был ансамбль Алишера Навои, подобного которому не было ни в одном из городов Европы эпо-хи Возрождения.

В наши дни, когда перед архитекторами Узбекистана стоят неотложные задачи социалистической перепланировки и озеленения го-родов, они не вправе обойти те прекрасные традиции и достижения местного садово-паркового искусства, создателями которого были наро-ды Средней Азии и которые, в частности, запечатлены в садах и пар-ках XV-го столетия.
